

УДК: 904:623.446.4-057.66(477.7)«10/13»**Э.И. СЕЙДАЛИЕВ****Метатальное оружие кочевников Северного Причерноморья и Крыма в XI–XIV вв.**

В публикации на основе письменных и археологических источников охарактеризованы основные виды метатального вооружения кочевников Северного Причерноморья и Крыма в XI–XIV вв.

Ключевые слова: половцы, монголы, Золотая Орда, лук, стрелы, кочевническое вооружение.

В комплексе вооружения средневековых кочевников Северного Причерноморья и Крыма одно из важнейших мест занимают лук и стрелы. Практически каждый воин кочевого войска был лучником и мастерски владел своим оружием. Хронологические рамки темы выбраны так не случайно: с XI в. на территории указанного региона впервые появляются половцы. Именно эти кочевники оставили тут наибольшее количество памятников, поэтому об их вооружении у нас имеется наиболее полное представление. В 20-х гг. XIII в. половцы были частично истреблены, частично покорены монголами. Об этих трагических событиях повествует нам Ибн-ал-Асир [11, с. 25–27]. С этого времени половецкие воины стали частью монгольских отрядов Крымского улуса Золотой Орды [3, с. 396]. Как изменилось половецкое вооружение в составе монгольского войска, так же является важным аспектом, в т.ч. и в решении некоторых вопросов этнополитического развития крымского региона. Поэтому необходимо рассмотреть и вооружение кочевников XIII–XIV вв.

Дистанционное оружие половцев рассматривалось в литературе лишь в контексте исследования вооружения Древнерусского государства А.Н. Кирпичниковым. Г.А. Федоров-Давыдов приводит классификацию луков, наконечников стрел и других элементов оружия дальнего боя, основываясь на анализе археологического материала. Характеристике луков и колчанов со стрелами, а также их изображений посвящены работы С.А. Плетневой. Оружие дальнего боя рассматривает в своих публикациях, посвященных вооружению и военному искусству монголов, М.В. Горелик. Детально разбирает ручное метатальное оружие в специальном труде А.Ф. Медведев, не выделяя кочевнический комплекс вооружения. Поэтому в данный момент мы не имеем работы, которая отдельно характеризовала бы половецкое дистанционное вооружение.

Лучник в кочевническом войске занимал важное место. Методы ведения боя, тактика и стратегия кочевников были таковы, что бой они всегда начинали именно луками и стрелами. Во многих письменных источниках мы встречаем описание использования кочевниками лука и стрел. Анна Комнина в своем труде пишет о том, что куманы тревожили печенегов стрельбой из луков [1, с. 234].

Описание начала боя монголами мы встречаем у Марко Поло. Он пишет: «Забил накар, и люди, немедля, бросились <...> Схватились за луки и стали

пускать стрелы <...> Метали стрелы, пока их хватило; и много было мертвых и насмерть раненных <...> Вышли все стрелы, попрятали они свои луки в налучья, схватились за мечи и палицы и бросились». Таких описаний Марко Поло приводит несколько [6, с. 101–102, 212–213, 216, 220, 231, 236]. Подобное описание можно встретить и в труде Плано Карпини, который также приводит данные о производстве луков и стрел и их использовании у монголов: «Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы» [10, с. 52–53]. Этот же факт подтверждает в своих описаниях и Рубрук [10, с. 100].

У П. Карпини мы также встречаем описание наконечников стрел, предназначенных для разных целей: «Есть у них также и другие стрелы для стрельяния птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины. Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для стрельяния птиц и зверей» [10, с. 52–53]. Один из основных приемов атаки стрелами приводит в своих «Записках о Московии» С. Герберштейн: «Их оружие – лук и стрелы; сабля у них редка. Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то [при первой возможности] татары пускают назад в них стрелы; затем внезапно повернув лошадей, бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, что бы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок <...> Такой способ боя из-за сходства называют «пляской» [2, с. 168].

Как видим, военное столкновение у кочевников происходило в 2 этапа: дистанционный с помощью лука и стрел и ближний бой с использованием древкового и клинкового оружия. М.В. Горелик предложил название для первого этапа «карусель», и приводит ссылку на использование таких приемов стрельбы с коня и у современных киргизов [4, с. 157].

Эти описания могут быть применимы как к монголам, так и к их предшественникам в восточноевропейских степях – кипчакам.

Для характеристики дистанционного оружия половцев, нужно обратиться к такому источнику, как половецкие каменные изваяния.

Изображения лука встречаются на 10 экземплярах балбалов, рассмотренных С.А. Плетневой в ее работе «Половецкие каменные изваяния». Луки, как и сабли, судя по изображениям, носились слева. Располагались

они поверх сабель [9, с. 31]. Пять из вышеупомянутых экземпляров изображены в налучьях, которые закрывают нижнюю (большую) часть лука. Пять других высечены просто на поверхности камня, как есть, причем и в первом, и во втором случаях деревянная основа и тетива практически всегда изображены одной толщины.

С.А. Плетнева делит их по форме деревянной основы на три типа:

1. С сегментовидной спинкой.
2. С прямой спинкой.
3. С вогнутой внутрь спинкой.

Археологически же луки проследить сложнее, все по той же причине плохой сохранности дерева.

С.А. Плетнева дает им следующую классификацию:

1. Ранние луки – XI в. – имели короткие массивные срединные накладки – т.н. «рыбки», уже упоминавшиеся выше. Следует отметить, что на этих луках не было концевых накладок.
2. В более позднее время – в XII–XIII вв. – накладки удлиняются, становятся тоньше и к срединным прибавляются концевые накладки.

Срединные накладки придавали жесткость средней части лука там, где в момент сгиба была особенно велика опасность перелома. Иногда между срединными накладками в деревянную основу вбивался для упругости деревянный же клин. Такой вариант лука был обнаружен в погребении № 60 близ Саркела [12, с. 25].

То, что половецкие луки носились в налучьях, подтверждается и археологически. В слоях городища Саркел – Белая Вежа после ухода русско-го гарнизона в 1117 г. и превращения городища в половецкое зимовье, продолжают бытовать костяные детали как колчанов, так и налучий [13, с. 114]. В налучье лук помещался, скорее всего, в ненатянутом положении для лучшей сохранности оружия, но на половецких статуях лук даже в налучье изображен с тетивой. Устьем налучье при ношении было обращено назад, как видим на изваяниях. Если бы на чехле были петли, то они, следовательно, помещались на левой стороне лицевой поверхности налучья [13, с. 109]. Способ крепления налучий не изображен, но ясно, что оно подвешивалось со стороны кибити, на обнаруженных археологами петлях.

В кочевнических же погребениях часты случаи находок, при которых отмечается обратное расположение колчана и лука, т.е. колчан слева, лук справа. В могильнике Белая Вежа зафиксировано 3 случая находок колчана слева и по 2 случая размещения срединной накладки лука справа и между ног [13, с. 109].

Что касается колчанов, изображенных на половецких балбалах, то мы видим, что их всегда носили на правом боку. Встречены они на 14 статуях [9, с. 31]. Изображения их в некоторых случаях схематичны, в других же очень ре-

листочны и точно передается форма колчана и даже его украшенность. На изваяниях можно проследить, что колчаны носились на двух ремнях, прикрепленных к поясу, и представляют собой продолговатые футляры, расширяющиеся к низу. С.А. Плетнева по способу ношения выделяет 4 типа половецких колчанов:

1. Простые «глухие» длинные футляры, полностью вмещавшие в себе стрелы во всю длину, так, что при ношении их не видно. Такие колчаны, скорее всего, делались из бересты и иногда они попадаются в кочевнических курганах XI–XII вв.
2. Футляры с расширяющейся верхней частью (как бы крылатой), возможно это крышка, которая закрывала стрелы. На статуях к таким колчанам прикреплялись кисти или некие длинные предметы, аналогии которым встречаются и на саблях.
3. Колчаны с более короткой передней частью и сильно удлиненной задней. Стрелы в них поэтому хорошо видны и легко вынимаются, задняя же высокая стенка защищает владельца от случайного ранения наконечниками стрел. Стрелы, как хорошо видно на изваяниях, носились наконечниками вверх.
4. Открытые, короткие колчаны, стрелы из них торчали без всякого предохранения [9, с.31]. Возможно, в таком случае стрелы могли опускаться в колчан оперением вверх и наконечниками внутрь.

На изображениях видно, что края колчанов окантованы полосками, которые имитировали, возможно, каркас кожаных колчанов или окантовку костяными пластинами и I и II варианты известны по археологическим находкам.

Также следует отметить 2 колчана третьего типа. Они были покрыты орнаментированными полосками. Эти полоски изображают, скорее всего, костяные, богато украшенные разнообразным орнаментом, накладки на колчаны. Археологи датируют их XIII–XIV вв. [9, с. 31], хотя на городище Саркел – Белая Вежа они встречаются с конца X в. Стоит упомянуть подобные находки фрагментов костяных изделий с позднескифского городища Булганак [14, с. 221]. Тут были обнаружены средневековые погребения, два из которых содержали костяные накладки на колчан или налучье. К сожалению, погребения были разрушены вспашкой, поэтому для более четкой интерпретации необходима детальная работа с находками. Фрагменты костяных изделий представляют собой тонкие пластины, покрытые циркульным орнаментом и насечками, что характерно для половецких изделий из кости.

По остаткам найденных в могилах колчанов можно судить о материале, использовавшемся для их изготовления. В этом отношении они делятся на 2 типа – кожаные и берестяные:

1. Скреплены скобками с одного края.
2. Колчаны, снабженные упомянутыми выше костяными петлями,

которые украшали колчан, придавали ему жесткость и одновременно служили для его подвешивания на пояс.

Очень много остатков берестяных колчанов выявлены в кочевнических погребениях Северо-Западного Причерноморья, проанализированных в работе А.О. Добролюбского «Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху Средневековья» [5]. К сожалению, сам материал в работе представлен плохо, дается лишь его перечисление, поэтому этот момент требует доработки.

В колчанах упомянутого III типа очень четко изваяны наконечники стрел, торчащие из них. Выделяются два типа – ромбовидные и двурогие, довольно крупного размера [9, с. 31]. А.Ф. Медведев датирует их в степях Восточной Европы с XII по XIV вв. [7, т. 21] Эти данные подтверждаются и археологически.

Все найденные наконечники стрел черешковые. Можно выделить наконечники неправильной ромбической формы с укороченными бьющими гранями [14, с. 379, 388]; наконечники треугольной формы (очень часто они сильно вытянуты и, видимо, применялись как бронебойные); листовидные наконечники, такие, например как найденные во впускном погребении кургана № 3 у с. Казанки Бахчисарайского района и на городище Булганак [15, с.188; 11, с.218].

Со времени выхода на военно-политическую арену монголов наблюдаются изменения в использовании луков. На смену практически всем сложносоставным лукам в кочевнической среде приходит лук так называемого «монгольского» типа. Кипчаки, влившись в ордынское войско, переняли этот тип лука. Лук отличался большей эффективностью и упругостью. Он снабжался срединной фронтальной накладкой веслообразной формы и концевыми накладками. Лук этот был М-образной формы и имел длину не более 120 см. Луки эти монголы носили в кожаном или матерчатом налучье, прикрепив к поясу с помощью сыромятных ремней [8, с. 214–216].

Стрелы, которыми пользовались воины-кочевники, в золотоордынское время практически не изменились. Можно только отметить, что широкое распространение получили т.н. «срезни» – различных типов, плоские наконечники с широкой боевой частью или двурогие наконечники. Все они плоские, достаточно больших размеров. Применялись они в основном для нанесения больших ран и повреждения тетивы луков противника. Описание использования таких наконечников и таким образом встречаем у Марко Поло [6, с. 212].

В некоторых из этих стрел появляются прорезы в широкой части, вероятно, в них вставляли паклю, которую поджигали и могли использовать эти стрелы как зажигательные.

Следует упомянуть о более широком распространении трехлопастных стрел, находки которых известны еще на памятниках салтовской культуры и встречаются в более позднее время [12, с. 27].

Плоские наконечники и некоторые из трехлопастных снабжались у монголов костяными свистульками. Это были бочонковидные или бикониче-

ской формы костяные изделия с отверстиями. Размеры их колебались в зависимости от размера наконечника. Основное назначение их – создание устрашающего шумового эффекта, но существуют мнения, что применялись они и для закрепления наконечника на древке стрелы, для управления стрелой в полете, закрепления горящей пакли или как емкости для некоего горючего материала. В последнем случае отверстия затыкались той же паклей или чем-то подобным [8, с. 219].

К сожалению, археологический материал не всегда позволяет определить, из чего изготавливалась деревянная часть стрел. Но некоторые источники позволяют судить, что древки стрел делались из ивы, можжевельника или березы [8, с. 219].

Длина стрел, опять же из-за плохой сохранности дерева, не поддается определению, но П. Карпини пишет, что длина стрел «составляет два фута, одну ладонь и два пальца» [10, с. 51], что составляет приблизительно 80 см. Оперением для стрел служили перья различных птиц. Это были прямые, упругие, но не слишком жесткие перья. Как правило, применялись перья птиц, обитавших в данной местности. Ценились перья орла, сокола, морских птиц [7, с. 51]. Монголы, вероятно, чаще всего применяли перья орла, коршуна и гуся [8, с. 219]. К сожалению, материалы эти в археологических комплексах также не сохраняются, поэтому реконструкция оперения стрел – сложный вопрос. Особенности крепления оперения к древку стрелы подробно описаны в работе А.Ф. Медведева, поэтому в данной работе мы на этом вопросе подробно останавливаться не будем.

Есть сведения об использовании монголами яда, которым они покрывали наконечники своих стрел. [8, с. 219]

Колчан, в котором монгольские воины носили свои стрелы, был открытой формы и изготавливался из бересты, кипчаки также знали берестяные колчаны, поэтому изменений в этом виде их снаряжения, скорее всего, не было. Колчан этот подвешивался к поясу воина с помощью железного крючка.

П. Карпини упоминает, что стрелы монголов были очень остры и что «они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел».

Практически все наконечники стрел изготовлены из железа, костяных наконечников мало. Видимо, они не были очень распространены и применялись в основном для охоты, хотя и боевое их применение нельзя отрицать.

Среди снаряжения лучника встречается такой элемент, как костяное кольцо с выступом – для монгольского способа натягивания лука. Большинство их обнаружено в Средней Азии и в золотоордынских городах Поволжья [12, с. 25]. К сожалению, в Крыму и Северном Причерноморье такие находки пока не известны.

Всё вышеизложенное, а также тот исторический факт, что половцы были покорены монголами и вошли в состав Улуг Улуса, позволяет сделать вывод, что монголы обладали более совершенным вооружением и умели применять в

бою хитрости и приемы, достаточно простые, но срабатывавшие против половцев. Вооружение половецких воинов находилось на достаточно высоком уровне, но во многом проигрывало монгольскому, особенно защитное. Но это тема отдельного исследования. Тут же стоит остановиться на том факте, что монголы за всю свою богатую военную историю смогли настолько усовершенствовать свое военное дело, что превзошли в военном отношении своих предшественников. Половцы же привыкшие к быстрым набегам на такую легкую добычу, как приграничные древнерусские селения и города, уже были не готовы встретиться с таким же серьезным противником, каким были когда-то сами кипчаки, впервые вышедшие на восточноевропейскую военно-политическую арену.

Источники и литература

1. *Анна Комнина*. Алексиада / Анна Комнина ; [пер. с греч. Я.Н. Любарского]. – СПб., 1996. – 704 с.
2. *Герберштейн С.* Записки о Московии / Сигизмунд Герберштейн. – М. : изд-во МГУ, 1988. – 430 с.
3. *Горелик М.* Вооружение // Военное дело Улуса Джучи / М. Горелик, И. Измайлов // Улус Джучи во время могущества // История татар с древнейших времен. Т.3. Улус Джучи (Золотая орда). XIII – середина XV в., Казань, 2009. – 1056 с.
4. *Горелик М.В.* Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) / М.В. Горелик // Военное дело древнего и средневекового населения северной и центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С.155–160.
5. *Добролюбовский А.О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху Средневековья / А.О. Добролюбовский, – М., 1986. – С.70.
6. Книга Марко Поло : [ред. С.Н. Кумкес]. – М. : Географиздат, 1956 г. – 376 с.
7. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел / А.Ф. Медведев // Археология СССР: свод археологических источников. – Вып. Е1–36, – М. : Наука, 1966. – С. 200.
8. *Немеров В.Ф.* Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. / В.Ф. Немеров // Советская археология. – 1987. – № 2. – С. 212–227.
9. *Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния / С.А. Плетнева // Археология СССР: свод археологических источников. – Вып. Е4–2. – М. : «Наука», 1974. – С.200.
10. Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука : [Ред., вст. статья и прим. Н.П. Шастиной]. – М., 1957 г. – 272 с.
11. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т.1 : Извлечения из сочинений арабских / В.Г. Тизенгаузен. – СПб., 1884. – 563 с.
12. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г.А. Федоров-Давыдов – М., 1966. – 276 с.
13. *Флерова В.Е.* Костяные детали луков, колчанов и налучий Белой вежи / В.Е. Флерова // Степи Восточной Европы в эпоху Средневековья. – Донецк, 2000. – С.101–115.
14. *Храпунов И.Н.* Булганакское позднекифское городище (по раскопкам 1981–89 гг.) / И.Н. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1991. – Вып. 2. – С.3–34, 183–235.
15. *Черепанова К.Н.* Погребения поздних кочевников в степном Крыму / К.Н. Черепанова, А.А. Щепинский // Археология и история средневекового Крыма. – К. : «Наукова думка», 1967. – С. 181–201.

Seydaliyev E.I. Метальна зброя кочівників Північного Причорномор'я і Криму в XI–XIV ст.

В публікації на основі письмових та археологічних джерел охарактеризовано основні види метального озброєння кочівників Північного Причорномор'я і Криму в XI–XIV ст.

Ключові слова: половці, монголи, Золота Орда, лук, стріли, озброєння кочівників.

Seydaliyev E.I. Missile nomad's weapon of Northern Black Sea Coast and the Crimea in XI–XIV

The main kinds of missile arming of Northern Black Sea Coast and the Crimea nomads in XI–XIV are characterized in the given publication on the basis of written and archaeological sources.

Key words: Cumans, Mongols, the Golden Horde, bows, arrows, weapons nomadic.

УДК: 904:297"12/14"(477.75)

Д.А. ЛОМАКІН

**Всесоюзна конференція археологів
СРСР в Керчі та мусульманські пам'ятки
Старого Криму: невідомі сторінки
історії вивчення**

Розглянуті доповіді учасників тюрко-татарської секції Керченської археологічної конференції, спрямовані на вивчення старожитностей Старого Криму. Проаналізована роль з'їзду в дослідженні мусульманських пам'яток Солхату золотоординського періоду в другій половині 20-х років XX ст.

Ключові слова: Всесоюзна конференція археологів СРСР в Керчі, Старий Крим, археологічна пам'ятка.

Важливою подією в дослідженні мусульманських пам'яток Старого Криму стала Всесоюзна конференція археологів СРСР в Керчі, яка проходила 5–10 вересня 1926 р. [1; 8; 9; 12]. Вона була скликана на честь столітнього ювілею Керченського археологічного музею. Конференція стала першим археологічним з'їздом на теренах РСФРР з моменту встановлення радянської влади. Для успішного проведення заходу серйозна організаційна робота була виконана співробітниками КримОХОРИСу, що створили два організаційні комітети в Сімферополі та Керчі. Крім того, за ініціативою Головнауки НКО РСФРР особлива комісія була створена в Москві [1, с. 197].

Керченська конференція значно перевершила межі звичайного ювілейного вшанування. На ній були присутні 135 делегатів від 73 установ і організацій з семи республік СРСР. Серед них – авторитетні вчені того часу: академіки М.Я. Марр, С.Ф. Платонов, В.П. Бузескул, професори Б.В. Фармаківський, І.М. Бороздін, О.С. Башкиров, П.І. Голландський, А.І. Маркевич й інші [10, с. 324]. За час з'їзду відбулося 28 засідань, на яких було заслухано 62 доповіді; здійснено низку оглядів місцевих пам'яток старовини.